

ВЕСЁЛЫЙ РАССКАЗЧИК, ИЛИ С УЛЫБКОЙ О ВЕЩАХ СЕРЬЁЗНЫХ

«**Е**сли это и неправда, то всё равно хорошо придумано», — любят приговаривать итальянцы. Оставим это утверждение на совести потомков древних римлян и назовём вещи своими именами: всё, что рассказано в этой книге, — правда. Причём порой — весьма голая в самом непосредственном смысле слова. Ибо Евгений Иванов обладает редким даром говорить о темах и предметах весьма серьёзных в лёгком, порой даже гривуазном, тоне. Так, наверное, сподручнее не чувствовать себя трагиком, ибо советские и постсоветские реалии, предстающие из этого повествования, не столь уж и радужны. Что тут поделаешь? Каково общество, такова и жизнь его членов. Напрасно ли каждый новый день подтверждает нам смелую гипотезу учёных мужей о том, что в не столь стародавние времена русский экстрим и мамонтов доконал?..

Опыт гражданина — буквально каждого из нас — формирует образ нашей страны. Тем более такого профессионала, который, как в случае с Евгением Ивановым, практически всю свою сознательную жизнь посвятил деятельности на международной ниве. В торговых представительствах Советского Союза и в его крупнейших государственных коммерческих компаниях, в торговом флоте СССР, в смешанных обществах, которые только начинали зарождаться на фоне горбачёвской перестройки... Эта книга — сборник рассказов — именно о таком личном опыте. С ироничной интонацией Евгений Иванов, человек порой едкий, с критическим взглядом, рассказывает о прожитом. О главах увлекатель-

ной и непростой жизни в многонациональной, распавшейся двадцать с лишним лет назад стране и — в частности — о восприятии этой «шестой части суши» иностранцами.

Кстати, о них, о столь привечаемых в наших пенатах чужеземцах. Однажды, отвечая на вопрос, чего в жизни надо решительно избегать, Шарль де Голль, человек — как известно — со своеобразным чувством юмора, сказал: «Нельзя позволять себе оказаться между собакой и фонарным столбом». Не уверен, что Евгений Иванов знаком с этой смелой генеральской сентенцией, однако позиция автора этой книги такова, что он ни разу, ни в одном из рассказов, не позволил себе быть сальным, нечистоплотным... Резким? Да! Но не более того.

Что ещё?.. Пожалуй, я возьму и оборву мои куцые дифирамбы. Во-первых, потому, что Евгений Иванов, «человек взрослый», поживший большую, насыщенную событиями жизнь, в рекламе (как сейчас говорят — в «пиаре») не нуждается. А, во-вторых, потому, что невозможно в краткой преамбуле описать всю специфику страны, где в булочной можно узреть на ценнике: «Пряники со вкусом майонеза» и где у политиков факты их жизни не имеют равным счётом ничего общего с их же казёнными биографиями.

В общем великодушно замолчу, наконец, и предоставлю слово самому автору. Каждой своей строкой Евгений Иванов, гражданин Вселенной и патриот России, доказывает, что у них, на диком Западе, в мире придумщиков сомнительных санкций, жизнь идёт с позиции: «Быть или не быть?», а у нас, жизнерадостных и дружных, как жуки-пожарники на тропке к вечно незрелым помидорам, разворачивается по принципу: «Была — не была!» А это значит, что в нашем сегодняшнем бодании с Америкой и с остальным подозрительным нам миром победа будет непременно за нами. Не зря же верят философы: «Святой живёт прошлым, а грешник — будущим».

*Кирилл Привалов,
журналист и писатель*

УХ ТЫ! АМЕРИКА!

Впервые я услышал об Америке много лет тому назад в возрасте пяти лет. Шёл 1947-й год. Так для себя я начал открытие Америки.

Хорошая знакомая моей матери Власова Ирина Павловна пригласила её в гости по случаю возвращения мужа из командировки в Америку. Оставляя меня дома матери показалось жестоко, тем более что предполагалась демонстрация фотографий, диапозитивов, снятого любительской камерой фильма о Нью-Йорке, Ниагарском водопаде, о жизни Америки, неведомой нам страны. Итак, меня потащили в виде «прицепа» в надежде на то, что я смогу впервые увидеть далёкую и загадочную страну и сохранить в памяти «очевидное и невероятное». Добираться пришлось на электричке до Курского вокзала, далее немного потряслись на трамвае до площади Прямикова, где неподалёку проживала семья Власовых. Глава семьи Власов Владимир Константинович работал инженером на одном из машиностроительных заводов. Не так давно отгремели последние выстрелы, закончилась война, и страна по инерции продолжала наращивать оборонную мощь. У американцев ещё не пропал дух коалиционного сотрудничества, и они пока принимали на своих предприятиях наших специалистов и кое с чем знакомили, правда, с большой опаской поглядывали на растущую мощь СССР. Скоро благодушное настроение сменится холодной войной и по обе стороны опустится «железный занавес», а пока шёл обмен инженерными делегациями. В одну из таких делегаций был включён Власов. Поскольку командировка была длительной, то за три месяца можно было не только изучить производство, но в сво-

бодное время познакомиться с окружающей средой Америки, бытом, городами и многим другим, чем жили американцы. Владимир Константинович помимо того что был хорошим инженером, оказался и неплохим кинооператором. Он отснял на кинокамеру (по тем временам большая редкость, куплена там же) великолепный документальный фильм об Америке. В памяти, конечно, мало сохранилось кадров многоэтажной Америки, а вот Ниагарский водопад и по сей день надёжно засел в голове как непостижимое чудо света, хотя он и не является рекордсменом по высоте падающей воды — всего лишь 53 метра, в отличие от венесуэльского водопада Анхель (Прыжок ангела), высота которого 1054 метра! В то время я о таких чудесах и не слышал, и в толк не мог взять, что подобное в мире может быть. Тем более что все прелести шумящей и падающей воды я воочию вижу на экране с комментариями Владимира Константиновича. Подковообразный водопад низвергал огромное количество чистой изумрудного цвета воды. Водопад находится на стыке двух территорий Америки и Канады, причём лучшая видовая часть водопада расположена на канадской стороне, но предприимчивые американцы построили туристический бизнес таким образом, что все красоты туристы могут увидеть только с территории Америки.

Так я впервые услышал истории о преодолении смельчаками водопада (спуск) в бочках, многие погибли, а уцелевшие вписали свои имена в историю. Как замороженный, я смотрел на канатоходца, который пресекает водопад на такой высоте по тонкому канату без какой-либо страховки, одно малейшее неловкое движение — и жизнь смельчака может оборваться (кстати, первым, кто преодолел водопад по канату, был Сэм Пач в 1829 году).

Прошли годы, а в памяти остался маленький кусочек детства о неведомой стране Америке. Трагической оказалась судьба Владимира Константиновича, кстати, как и многих других побывавших за рубежом в ту пору. По какому-то навету (доносу) с прикрепленным ярлыком «завербованный враг народа» его отправили на Колыму сроком на 12 лет!

Ух ты! Америка!

Загадочным и таинственным был интерес к Америке и ко всему американскому по многим причинам: лучшее оборудование и технологии находились у них; интерес к строительству высоких зданий родился у них; лучшие автомобили опять у них; о вооружении говорить не приходится, лучшее у них (ядерное оружие); кормят свою страну и ещё умудряются помогать другим странам; кинематограф один из лучших; их спортсмены постоянно лидируют на Олимпиадах. Список можно продолжать бесконечно, напрашивается вывод: Америка — непререкаемый лидер в мировом сообществе. В Америку стекаются лучшие «мозги» со всего света. Да, конечно, прельщают деньги, за хорошие «мозги» платят хорошо, но дело не только в этом, в этой стране, как нигде, чтут основной закон — Конституцию. В других же странах Конституция меняется с приходом к власти каждого нового лидера, якобы для улучшения, для совершенства, для *Народа..?* Причём, как правило, проблемы в подобных странах хлещут изо всех щелей, как из сгнившей канализационной трубы высокого давления.

Не дай вам Бог, в сталинский период времени, чтобы сосед услышал, как вы включили радиоприёмник и на коротких волнах поймали (настроились) волну «Голос Америки» (The voice of America). Хорошо, если он в это время был пьян, а если нет, то обязательно донесёт в НКВД. И не имеет никакого значения, слушали вы музыку или пропаганду. Дальше события будут развиваться ускоренным темпом: допросы у следователя, суд, приговор, движение по этапу в северные или дальневосточные края. После такого исхода и подумаешь, покупать ли радиоприёмник с короткими волнами (вещание «Голоса Америки» и «Свободной Европы» велось только на коротких волнах) или остановить свой выбор на однопрограммном радио, в данном случае, чем проще, тем лучше.

Цензура надёжным щитом строго стояла на страже государственных интересов. Представьте себе на секунду: если убрать цензуру, *Народ* многое узнает, многое увидит, быстренько сравнит американский и советский образ жизни и ужаснётся — его Родина сплошной концентрационный ла-

гер, условия жизни скотские (коммуналки, бараки), нищенская зарплата, о культурном досуге даже не хочется думать, он микроскопически мал (театры, кино, музеи) и доступен не многим. Предметы роскоши были доступны узкому кругу людей, достаточно сказать, что легковые автомобили массово начали продавать населению в нашей стране в начале 50-х годов, а в Америке производители легковых автомобилей ещё до войны завалили внутренний рынок машинами, сверкающими краской («Бьюик», «Форд», «Кадиллак», «Крайслер», «Шевроле» и другие). И вот теперь подумайте, куда качнётся рядовой гражданин, куда хлынет анатомия протеста? Навыки приёмов рукопашного боя ещё не забыты после войны, на худой конец и вилы можно взять в руки. А вы говорите, зачем цензура!?

Жалкие потуги делали наша цензура и отдел пропаганды ЦК КПСС, чтобы как-то противопоставить наш образ жизни американскому. Картёжники в таких случаях говорят «Рад бы, да крыть нечем!» В этом деле даже ранее созданный Коминтерн не помог. Не помогло и заманивание развивающихся стран, те не дураки. «Денег давай, давай кредиты, продовольствие поставляй». Народ их, видишь ли, мрёт. И потекли из «закровов Родины» несметные богатства, как позже выяснилось — безвозвратно. А здесь ещё подвернулся темнокожий американец (не забесплатно), прославляющий советский образ жизни, рупор советских агитбригад Поль Робсон. И понеслась из громкоговорителей воинственная песня «Широка страна моя родная...» Однако пропаганда пропагандой, а перебираться в СССР как-то ему не очень хотелось (это вам не Депардьё), предпочёл Америку.

Ух ты! Америка!

В 1949 году началась школа. Для начальных классов о далёкой стране мало что писалось, надобности в том не было, и в руках детей оказывались стихи Самуила Маршака «Мистер Твистер» о министре-капиталисте, путешествующем с семьёй в СССР, о его ненависти к темнокожим. Из такого скудного потока информации весьма трудно составить

представление об Америке, тем более детям. Придётся некоторое время подождать, когда в школе начнут преподавать географию, и тогда в юных мозгах отложится информация о далёкой и непознанной стране, которую можно отыскать только на географических картах и глобусе. О современной Америке, путях её развития, экономическом росте, об уровне жизни, о военной мощи в Советском Союзе говорилось мало по понятным причинам: «железный занавес». Засорять русские мозги американской пропагандой считалось враждебной позицией, и за это строго наказывали.

На протяжении уже многих лет в Америку непрерывным потоком, вереницей тянутся люди из разных стран, едут из Африки, едут из Европы, едут из Австралии, едут отовсюду. Кто-то находит себе пристанище и работу, кто-то нет. На то есть воля Всевышнего и расположение миграционных властей Америки. В этой связи возникает вопрос, а почему же люди со всего света не едут в Ботсвану или Бурунди? Правильно — не хочется! Наилучший показатель миграции (компас) — это евреи. Внимательно смотрите за ними. Там, куда они едут, — лакомое место, то есть Америка. Две указанные выше африканские страны в их списках не значатся. Если у еврея появляется малейшая возможность перебраться со священной родины в Америку, то будьте уверены, он это осуществит под любым «соусом», и как бы ни давила религия (вера) на мозжечок, тяга к «греху перемещения», то есть к прекрасному, преодолевает преграды.

Эмиграция евреев из России началась после 1870 года и изначально ориентировалась на так называемый Новый Свет, а если точнее — на США. В период третьей волны эмиграции из СССР (1968 год) я стал невольным свидетелем того, как пересекали государственную границу евреи. Пересечение советско-чешской границы. Вереница тёмных вагонов, прикреплённых в конце состава к искрящимся ярким светом международным вагонам. «Хвост» пассажирского состава двигался по железнодорожной колее, как фантом, извиваясь на поворотах, готовый вот-вот оторваться. Издалека создавалось впечатление, что к составу прикреплено

какое-то инородное тело, следующее не на цветущий Запад, а в противоположную сторону — на Северо-Восток на станцию под названием ГУЛАГ. Каждая часть состава жила своей жизнью, одна — в преддверии отдыха за рубежом в хороших гостиницах, с культурной программой, посещением музеев, ресторанов и многого другого, другую ожидали поход в неизвестность и обустройство новой жизни, правда, с одной существенной оговоркой — они приобретали свободу выражения мысли. Пока не помышляя об Америке, но в душе думая о ней, как о чём-то светлом и радостном. Складывалось впечатление, что каждая часть состава движется сама по себе, с одной и той же скоростью и в одном и том же направлении. И ту и другую тащит вперёд неведомая сила в назначенный судьбой пункт. И лишь только время расставит по местам затерянные в безбрежном мире человеческие души.

В составе по нормам МПС был предусмотрен вагон-ресторан, но, увы, только для «светящихся вагонов». Эмигрантам из тёмных вагонов вход был закрыт. В тёмных вагонах стояла гробовая тишина, и лишь изредка всхлипывал голос младенца, подсказывая, что в вагоне есть живые люди. Взрослые томилась в каком-то напряжённом ожидании чего-то страшного, связанного с возможным лишением их жизни и жизни их детей.

На лицах отъезжающих лежал неподдельный испуг, в глазах блеснул вопрос: «Что с нами будет? Выпустят ли?» Маленькие дети тихо повизгивали, взрослые настороженно смотрели на таможенников, которые с нескрываемой ненавистью переворачивали вверх дном всю еврейскую поклажу. Что-то находили (денежки, валюту, камушки, золотишко, антиквариат, иконы) и изымали. На что-то закрывали глаза (не бесплатно) и пропускали. В голове неустанно звенела только одна мысль: «Скорее бы выбраться за пределы столь любимой Родины!», туда, где люди могли бы вдохнуть воздух свободы, распрямить плечи и громко безбоязненно произнести: «Я всё-таки человек!»

Кажется, люди утратили стремление к справедливости и достоинству, перестали уважать то, что ценою огром-

ных жертв сумели завоевать прежние, лучшие поколения... В конечном счёте основой всех человеческих ценностей служит нравственность. Ясное осознание этого в примитивную эпоху свидетельствует о беспримерном величии Моисея. Какой контраст с нынешними людьми!

Эти удивительные слова принадлежат великому мыслителю человечества, Альберту Эйнштейну.

Прямой путь в Америку эмигрантам был закрыт, а вот перебраться на «обетованную родину — Израиль» было возможно, правда, это было связано с множеством трудностей и формальностей по оформлению выездных документов. Будущее показало, что из Израиля перебраться в Америку не так сложно, но для этого необходимо время, терпение и, конечно, деньги. Оказывается, доказать «с ходу», что ты еврей, даже если ты покажешь, что ты «обрезанный» и твоя фамилия Шниперсон, недостаточно.

Товарищ еврей! Пожалуйста! Представьте бумажки, от кого вы родились, не забудьте рассказать о маме (подробнее), а мама должна быть чистокровная еврейка, папа не в счёт, наверное, по этой причине у Жириновского трудности с определением национальности, да и вообще он великий путаник. Даю наводку, по секрету, если вы хотите получить справку о том, что «Вы Папа Римский», путь один — в ЛДПР.

Ух ты! Америка!

Мы всё-таки сбились с пути с этим Жириновским. Забыть бы о нём насовсем, было бы гораздо спокойнее, так нет, центральное телевидение не даёт покоя, каждый раз подсовывает нам «Героя дня» на голубом экране.

Американцы уже давно убежали от всего остального мира в развитии науки и техники, медицины, образования и по-прежнему сохраняют этот приоритет, достаточно только одного эпохального события — высадка астронавтов на Луну! Мы, как можем, противостояим им — первый человек в Космосе — наш, Ю.А. Гагарин! Напрашивается один простой вопрос — а что если бы объединить усилия

двух великих стран в части защиты нашей многострадальной Земли? А ответ ещё проще — не договорятся никогда! Так и будут «бодаться», пока не доиграются до очередной испепеляющей войны. Политика американцев по отношению ко всему другому миру оказалась гораздо мудрее. Милости просим к нам — для лучших инноваций к нам; «молодые мозги», подающие надежды в научной области, спешите к нам (в США); лучшие спортсмены, пожалуйста, для вас двери открыты; творческие люди, мы вас всегда рады видеть; они даже бандитов (раскаявшихся) принимают, если те соблюдают Закон и Конституцию США. В Америке с молодых ногтей прививают любовь и уважение к своей стране, помимо всего прочего они и весь мир заставляют их уважать. У нас же переполох, устроенный с развалом империи СССР, привёл к тому, что французская газета «Le Figaro» ядовито замечает: *«У страны, пережившей всевозможные трагедии, проснулось неожиданное пристрастие к комедии: мужественный, но бестолковый пьяница Борис Ельцин вмиг стал новым лицом уменьшившейся в размерах, будто севшей после стирки, России...»* Мы и по сей день разыгрываем дешёвый водевиль и ждём, когда нам на это укажут. Дерзайте, господа! Поддайте пару и жару, и дело закипит, правда, сомнения меня гложут, будет ли от этого Народу лучше?

Ух ты! Америка!

Америка продолжала настойчиво стучаться в «закрытые двери» СССР, периодически подбрасывая лакомые кусочки свободной западной жизни. То магнитофонные записи джазовой музыки подкинут, то редкостная и необычная одежда замелькает (джинсы), то «Пепси-Колы» дадут хлебнуть, то машины американские дадут посмотреть — от всего этого добра глаз не оторвёшь. Американская выставка 1959 года явилась вторым этапом всемирной пропаганды американского образа жизни против советского. Первый этап состоялся в 1957 году Международный фестиваль молодёжи и студентов. Вкусив запретный плод, советский народ надолго

оставил в головах горечь сомнений в правильности выбранного пути к коммунизму. На горизонте наших отношений были и волнующие моменты, когда мир находился на краю ядерной катастрофы (Карибский кризис 1962 года), и только присутствие разума у двух глав государств СССР и США сохранило мир. Прошёл всего лишь год с момента обострения отношений между нашими странами, как американцы опять удивили мир — «грохнули» президента США Джона Кеннеди. Уж на что наш народ далёк и от Америки, и от их президентов, а тем не менее это жуткое событие не оставило наших граждан равнодушными, горечь трагедии и сочувствие были у многих на устах. Покушение на глав государств, можно сказать, — дело обычное, только в СССР неоднократно покушались на руководителей страны, стреляли, хотели либо взорвать, либо отравить (И. Сталин, Н. Хрущёв, Л. Брежнев, Ю. Андропов, М. Горбачёв), однако все они уцелели, а вот у американцев получается более надёжно, задумали — исполнили.

Есть вещи, которые с годами не меняются, чего не скажешь об Америке. Она меняется, и только в лучшую сторону, видимо, этим вызван такой приток иностранцев, желающих каким-то образом закрепиться в США. Мастера обмана, финансовые гении, творческие люди, спортсмены, врачи, разведчики и шпионы, воры и проститутки стекаются именно сюда, под крыло Статуи Свободы, и живут союзы аферистов и полицейских.

После развала Советского Союза народ из бывших республик рванул с насиженных мест, ну ладно евреи, они хоть мотивируют — едем на «историческую родину», как здесь возразишь? А остальные? Армяне облюбовали западную часть Америки, хохлы — Канаду (правда, и Америкой не гнушаются), так ведь уже и русские (певцы и певички, поэты и писатели, бизнесмены и жулики, впрочем, это одно и то же, депутаты и дегенераты) потянулись стройными рядами, кто во Флориду, кто в Калифорнию, кто на Брайтон. Живут себе спокойно и не кашляют.

Ух ты! Америка!

Советский период времени ознаменовался непримиримой борьбой с гражданами СССР, которые, будучи за рубежом, просили политического убежища и оставались там. За ними устойчиво закрепился ярлык «невозвращенцев», а если посмотреть глубже, то не иначе, как враг народа. Время было беспокойное, а ещё «железный занавес» мешал свободным контактам с капиталистическими странами. По существу, категория так называемых «выездных» была очень узкой — артисты, дипломаты, сотрудники внешней торговли, представители спецслужб («под крышей»). Остальными категориями можно было пренебречь из-за малости величин, таких как мизерный групповой туризм советских граждан. Редко, но, тем не менее, в прессу просачивалась информация о том или ином эпизоде, когда кто-то оставался за рубежом, внешне это выглядело как «невозвращенец», если это артист, или «враг народа», если это представитель спецслужб. Но на этой декларации всё не заканчивалось. От этого, казалось бы, незначительного действия страдал широкий круг лиц: родственники; руководители организаций, которые их направляли за рубеж; окружающие люди (коллеги, сослуживцы, товарищи); даже случайные лица, которые каким-либо боком соприкоснулись с «невозвращенцами». В моей жизни такой эпизод имел место.

Неотвратимо подкралось время определения дальнейшей моей судьбы, спорт — дело хорошее, но явление временное (юность и молодость), а для дальнейшей жизни необходимы более твёрдые основы существования, приобретение фундаментальных знаний. Школьные знания были слабые, и рассчитывать на хороший технический вуз было делом безнадёжным, к тому времени устойчивых взглядов на будущую профессию не сформировалось, и, честно говоря, это не имело для меня особого значения. Вместе с определением вуза появились существенные препятствия. Члену общества «Динамо» трудно было рассчитывать на помощь институтской администрации при сдаче экзаменов на поступление. В ту пору все вузы имели ведомственную принадлежность к спортивным обществам «Буревестник», «Торпедо-Труд»,

«Локомотив». Задолго до вступительных экзаменов представители спортивных обществ и спортивных кафедр начинали «гоняться» за именитыми спортсменами с целью привлечения их в данный вуз. Гонялись за тем же «товаром» военные общества «Динамо» и «ЦСКА», но они спортсменов определяли в спортроты, то есть брали на армейскую службу на два-три года. Между вузами шла упорная борьба за рейтинговые очки, высокие места зачёта, каждый ректор тешил свою душу присутствием у него в институте олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы. Дошла очередь и до нашего брата, предложений было достаточно, однако на последнем этапе сыграл роль мой друг, с помощью которого я оказался в руках заведующего кафедрой МИИТа, и здесь окончательно сыграла свою роль моя инертность и лень. Итак, пришлось подтвердить, что я сменяю флаг «Динамо» на флаг «Локомотива», и только в этом случае передо мной откроется заветная дверь храма науки под названием МИИТ (Московский институт инженеров железнодорожного транспорта). «За компанию» со мной перешли из общества «Динамо» в «Локомотив» ещё два мастера спорта по плаванию. Наше присутствие в «Локомотиве» существенно укрепило позиции общества на чемпионатах СССР по плаванию. Среди членов сборной команды общества и нашего института был кандидат в мастера спорта некто Владимир Крамеров, симпатичный, общительный парень, который поставил себе цель получить инженерное образование, а спорт (плавание) являлся для него как бы сопутствующим, неосновным элементом в жизни.

Быстро пробежали студенческие и спортивные годы, судьба разбросала нас по разным местам, но у каждого застряла в голове какая-то своя сокровенная мысль или мечта о выборе дальнейшего направления работы. У каждого из наших ребят образовался свой круг друзей, появились новые пристрастия, у некоторых пагубные (пьянство). Кто-то поменял профессию, полученную в вузе. Некоторые, получив инженерное образование, всё равно ушли работать в спорт.

Через восемь лет после окончания института происходит, совершенно случайно, встреча с Володей Крамеровым. Раз-

говор начался с воспоминания о прошлом и затем плавно перешёл в настоящее. К этому времени я уже учился в Академии внешней торговли, а Володя работал в одном из внешнеторговых объединений «Лицензинторг». Володя пригласил заглянуть к нему на работу, где и состоялось знакомство со многими людьми, которые впоследствии стали моими друзьями.

Вот уже позади осталась Академия, и передо мной встал вопрос: в какое объединение идти работать? Колебаться пришлось не долго, поскольку в «Лицензинторге» появилось много знакомых. Выбор был сделан — «Лицензинторг». Я стал как бы протееже Крамерова, и моя трудовая деятельность началась с ним на одной фирме «Лицензтрансмаш». К моменту моего прихода в объединение Володя уже был заместителем директора фирмы и учился на втором курсе нашей Академии, но только на вечернем отделении. Как и в любом производственном коллективе, люди объединяются сообразно внутренним интересам, наше объединение не было исключением. Любой, даже малейший повод был причиной походов в ближайший ресторан с целью отметить какое-нибудь событие: приезд из-за рубежа кого-нибудь в отпуск; окончание срока пребывания за границей; чей-нибудь отъезд в длительную заграничную командировку; повышение по службе или совсем простой случай — чей-нибудь день рождения или какой-нибудь праздник. Частенько праздники отмечались в самом объединении, а поскольку в нашем здании помимо нас находилось ещё два объединения — «Медэкспорт» и «Внешторгреклама», то братание сотрудников начиналось с утра. В трёх объединениях состав женского и мужского населения распределялся неравномерно. В двух последних с женщинами дело обстояло гораздо лучше, чем у нас. В выпивке недостатка не было, поскольку практически всякие переговоры с иностранными партнёрами сопровождались вручением скромного пакета со стандартным набором: бутылка виски или коньяка, какой-нибудь экзотический ликёр («Амаретто», «Бенедиктин», «Лимончелло» и тому подобное), блок сигарет («Мальборо», «Винстон», «Кент»). По протоколу приёма иностранцев запрещалось принимать «подарки», в случаях, когда «подарки» всё-

таки принимались, они подлежали передаче в протокольный отдел в установленном порядке. Конечно, все оставляли эти шалости у себя, а начальство смотрело на это сквозь пальцы. Когда же приём «жертвоприношений» начинал носить постоянный характер и стандартные «подарки» существенно менялись — начинали появляться предметы из «жёлтого металла», дорогие украшения, то здесь вмешивались доблестные органы (КГБ), и сотрудник вылетал с работы, как пробка.

Всё-таки следует немного остановиться на праздниках. Все три объединения располагались в обычном 16-этажном доме, границы учреждений проходили по этажам, проход в здание был строгим с предъявлением документов сотрудникам милиции, дежурившим круглосуточно, перемещение же вошедших людей по зданию было свободным. С наступлением праздника наше здание преобразалось. Всё приходило в движение с первого по шестнадцатый этаж, плотность заселения фирмами была настолько велика, что даже помещение кухонь использовалось под кабинеты для директоров и их заместителей. Определённого времени начала грандиозной пьянки не существовало, всё осуществлялось на подсознательном уровне, но как это ни странно, в одно и то же время. К обеденному времени кровь уже не играла, а просто бурлила в человеческих организмах, у некоторых заканчивалось терпение, и они начинали оккупировать ваннные комнаты и даже туалеты. Сосредоточиться на каком-то рабочем моменте директору, сидя на кухне, было крайне сложно. Из прилегающих помещений, ванной и туалета доносились приглушённый смех, стоны, эротические попискивания и, наконец, кульминационный момент — появление разгорячённых и возбуждённых сотрудников. Объяснять кому-либо чем занимаются люди в ограниченном пространстве так же глупо, как объяснять старому сторожевому псу, зачем лают собаки? Пустая затея.

Однажды из ванной выскочила взъерошенная инкокорреспондентка из «Внешторгрекламы», дверь на кухню была открыта, а вопрос, заданный директору, ввёл его в предкома-тозное состояние.

— Извините, на каком я нахожусь этаже..?

— Полагаю, что вы почти на небесах.

В советский период существовало не так много организаций, которые были связаны с работой за рубежом, — МИД, Минвнешторг, ГКНТ (Государственный комитет по науке и технике), ГКЭС (Государственный комитет по внешне-экономическим связям), АПН (Агентство печати и новости), ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза). Силловые ведомства КГБ и внешняя разведка не работали напрямую, в основном пользовались «прикрытием» вышеперечисленных организаций, имея по всему миру разветвлённую сеть своих представительств посольств и торгпредств, а также связанных с ними смешанных с иностранными представителями организаций. За рубеж направлялись специалисты в длительную заграникомандировку сроком на 3–4 года, после чего осуществлялась ротация (замена). Наиболее престижной считалась работа в США, Великобритании, Франции, Германии и в других европейских странах, развивающимися странами занималось ведомство ГКЭС.

Специалисты из промышленности выезжали редко и, как правило, в качестве консультантов по закупке оборудования или технологий в составе расширенных делегаций, возглавляемых сотрудниками Минвнешторга. Поездки за рубеж для «технарей» были большим для них благом, многие впервые в жизни попадали в «капиталистический рай». Они были запуганы партийными и спецорганами, вели себя крайне скромно и осторожно, ожидая с любой стороны провокаций.

В нашем объединении в очередной раз формировалась делегация специалистов Минтяжмаша для поездки в Америку. В её состав вошли: генеральный директор завода, главный технолог, представитель министерства (без них никак нельзя). Из всех членов делегации дважды за рубеж выезжал только генеральный директор, А. И. Якушев, остальные направлялись за границу впервые. С Якушевым несколько лет тому назад в Японии произошёл забавный казус. Не успели члены делегации разместиться в высотной гостинице Токио, как началось землетрясение. Затрясло не на шутку, начали вылетать стёкла, мебель пришла в движение, кое-

что попадало с полок и со стола, к окну тридцатого этажа страшно подходить, с очередным толчком можно и из окна вылететь. Страх пробрал Якушева до самого нутра. Он рванул из своего номера, вывалился в коридор, там народ уже перепрыгивал друг через друга, крича что-то на неведомом языке. Оторопь пробежала по всем конечностям, первое, что пришло в голову, — бежать, но куда, лифт не работает, все мечутся и вопят. Кто-то наиболее сообразительный нашёл выход на лестничную клетку, и толпа с дикими криками ломанулась на лестницу. Бежать вниз гораздо легче, чем вверх — это факт, но когда с каждым этажом количество очумевших людей прибавляется и у всех одно неистребимое желание — вырваться побыстрее из этой каменной клетки наружу, то к первому этажу эта человеческая лавина наконец попадает на улицу с искривлёнными от страха лицами. В отличие от всей массыдвигающихся людей Якушев выскочил на несколько этажей раньше и оказался на дорожной эстакаде, которая ходила ходуном из стороны в сторону и больше напоминала качели, нежели дорогу. Им овладело новое чувство страха быть сброшенным с пятнадцатиметровой высоты, пришлось лечь на живот и прилипнуть намертво к дорожному полотну. Весь этот ужас продолжался всего лишь несколько минут, но жизни у Якушева отнял лет пять минимум. Прилипнув к дороге, он проклинал всю заграницу вместе взятую, и тот день и час, когда он согласился ехать в эту грёбаную Японию. «Если останусь жив, ни шагу из своего уездного городка!» — думал он.

Однако жизнь распорядилась иначе, да и время подлечило горькие воспоминания японского землетрясения, и опять министерство направляет его, но уже в Америку, с той же миссией. Якушев не сразу принял решение ехать в командировку. С одной стороны, страх перед длинным перелётом через океан, многоэтажная Америка пугала своими зданиями, увиденными в кинофильмах, и наконец: «Этот безумный, безумный мир...» С другой стороны, возможность увидеть своими глазами ту страну, куда стремятся люди со всего света. Он сразу же вспомнил, что «врата Рая не открывают-

ся дважды». Их разместили в небоскрёбе, невольно всплыли в памяти тревожные дни в Японии. От дурных воспоминаний его отвлек стук в дверь. Чёрный незнакомец расплывается в улыбке: «Хай!» (приветствие). Директор побелел, следует пауза: «Это я х..?! А ты-то кто?» Незнакомец продолжает улыбаться, но что-то тревожное проскользнуло в его лице. Якушев свирепо произносит столь знакомые русскому человеку вразумительные слова: «В таком случае, пошёл ты тоже на х..!» — и хлопает дверью перед носом обалдевшего незнакомца.

Ух ты! Америка!

Володя Крамеров как раз должен был сменить нашего представителя, Михаила Васильева, в Нью-Йорке, в акционерном обществе «Амторг», организованном ещё при жизни В. И. Ленина. Организация по своей сути выполняла функции торгового представительства в США. К тому времени с Васильевым произошла не очень хорошая история, ему в Америке сделали онкологическую операцию на пищеводе, и он с семьёй готовился к возвращению на Родину. Володя готовился к отъезду, как вдруг у него неожиданно возникла проблема со здоровьем, катастрофически начал снижаться вес, всем сослуживцам его худоба начала бросаться в глаза. Впрямую люди не задавали вопросов, но за глаза обсуждали его здоровье, тем более что Васильев прибывал в Москву после операции с таким сложным диагнозом. Многие проводили недобрую параллель. Да и сам Володя, ощущая катастрофическую худобу, переживал, что командировка может прерваться или попросту накрыться «медным тазом». Пришлось мне вмешаться в его судьбу, и я потащил его к своей знакомой, работавшей в онкологическом центре им. Блохина на Каширском шоссе. Моя знакомая Гуля работала старшим медицинским сотрудником, кандидатом медицинских наук в радиологическом отделении. Предъявив ей своего друга, я просил её помочь в определении диагноза «инкогнито», любая утечка информации в нашу ведомственную поликлинику об онкологическом характере заболевания ста-

вила «крест» на карьере любого сотрудника Минвнешторга. Окинув опытным взглядом моего друга, Гуля потащила его на экспресс-анализ крови. Каково же было её удивление и наша с ним радость, когда диагноз онкологии остался в стороне, а вместо него появился устойчивый диагноз — диабет. С этим можно жить и даже долго, просто необходимо срочное лечение плюс наблюдение и медикаментозное вмешательство. Через два дня его определили в клинику к знакомым, опять же «инкогнито», через пару недель Володя начал набирать вес и приходил в норму. Наконец все документы для отъезда готовы, семья из четырёх человек — жены Лены, двух маленьких детей Тани (третий класс школы) и Юры (дошкольный возраст) — уже давно готова к отъезду, багаж приведён в стартовое положение, все ждут отмашки. Неугомонный Юра периодически в сердцах, не понимая значения «заграница», носился по квартире и выкрикивал во всё детское горло: «А-м-е-р-и-к-а! А-м-е-р-и-к-а!» Его пытались уговорить и просили вести себя тише, но его хватало ненадолго и вновь по квартире неслись призывные звуки. Старший «американец» нервничает, как бы не раскрылась его тайна, связанная с диабетом, и тогда все планы полетят к чертям собачьим. Однако конспирация была выдержана в лучших детективных традициях, и вот всё семейство движется в аэропорт «Шереметьево». Без приключений прошли таможду, пограничников и очутились в зале ожидания, и здесь опять прорвало Юрку, он начал прыгать, переползать с лавочки на лавочку и вопить: «А-м-е-р-и-к-а», иностранцы не обращали внимания, русские с опаской глядели на мальчугана, настолько открыто выражавшего свои сладостные мысли. Заткнуть ему рот можно было только чем-то сладким и большим, например пирожным, или малым, но холодным, например мороженым.

Ух ты! Америка!

Ядро деловой, развлекательной и финансовых частей Нью-Йорка сосредоточилось на острове Манхэттен. Сплошь застроенный небоскрёбами, он производит впечатление ка-

менного мешка. Попадая в этот мешок, ощущаешь какой-то внутренний дискомфорт. Видимого ориентира найти глазами невозможно, порой забываешь в какой стороне солнце и куда идти. Но если в руках есть карта, то сориентироваться по названию улицы (street) или авеню (более широкие улицы) весьма просто, потому что весь Манхэттен пересекается прямыми линиями, перпендикулярными друг другу, заблудиться практически невозможно.

Стоит вам попасть на Бродвей, как вы окажетесь на горячей сковородке нью-йоркской жизни. Опасайтесь потерять рассудок! Нескончаемая лавина движется во всех направлениях, толкаясь и извиняясь, иногда просто толкаясь без извинений. Сверкают витринами большие и маленькие магазины с грудями товаров, вспыхивают разноцветными огнями рекламные щиты, иногда пугающие от неожиданности. Где-то грохочет музыка, повсюду лавочки со съестным (культ еды!). Если вы широко открыли рот, задрав голову, глядя на небоскрёб, а ваш карман оттопырен, через несколько шагов вы почувствуете в кармане неприятную лёгкость. Если у вас есть деньги и вы попали на «Бриллиантовую улицу» — 47-ю стрит, где сплошняком, аж в два этажа, расположились магазины, торгующие золотыми изделиями, не сомневайтесь, вас непременно уговорят что-то купить. Здесь необходимость знания английского языка отпадает. Так же как и на Брайтоне, здесь все говорят по-русски.

Гуляя по Манхэттену, вы непременно столкнётесь с принципом «слоёного пирога» — это конгломерат богатых и бедных кварталов, заходить в последние в ночное время небезопасно, можно потерять не только деньги, но и жизнь. Жизнь человека слишком хрупка, и никому не ведомо, когда она оборвётся, лишний раз не испытывайте судьбу, появляясь в бедных кварталах Нью-Йорка.

Ближе к окраине Нью-Йорка расположился всем известный Брайтон, район или райончик, его трудно выделить административно, но многие россияне в числе достопримечательностей называют это местечко. По сути, это одна улица с жилыми домами, тянущаяся вдоль побережья Ат-